

Лит. газета
1978, 4 янв

В редакцию пришло письмо от читателя Игоря Савинова (Москва): «Не разучился ли смеяться писатель Думбадзе? Помню его веселый роман «Я, бабушка, Илико и Илларион». Год назад одик мой товарищ, купивший трехтомник Нодара Думбадзе, дал мне прочесть роман «Белые флаги» — здесь и драма, и много юмора. Но вот только что я прочел новую книгу писателя «Десять рассказов», изданную в Тбилиси. В ней есть все — поэтичность, задушевность, искренность, глубокие мысли, правда жизни. Нет только одного — юмора. А между тем сборник открывается рассказом «Собака», действие которого происходит в тех самых местах, на берегах той же ре-

ки, что и действие романа «Я, бабушка...», да и герой — тот же парень.

Что же случилось с юмором Нодара Владимировича Думбадзе? Может быть, с возрастом прозаики перестают быть юмористами (так же, как поэты с годами переходят на прозу)? Или писатель сознательно отрекся от юмора ради «серьезной» литературы? Хотелось бы задать все эти вопросы самому писателю и, кстати, узнать, что он думает о роли юмора в современной литературе».

По просьбе редакции с писателем беседует критик.

ДИАЛОГ: ПИСАТЕЛЬ — КРИТИК

Нодар ДУМБАДЗЕ —

Генрих МИТИН

С ЮМОРОМ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ!...

Г. МИТИН. «Не разучился ли вы смеяться?» Этот вопрос я решил задать вам, батон Нодар. Дело в том, что еще задолго до письма читателя И. Савинова и до выхода сборника «Десять рассказов» я прочел в одной критической статье по поводу ваших рассказов следующее: «...это решительное обновление, я бы сказал, отказ от старого. И прежде всего отказ от самого старого и самого испытанного оружия Нодара Думбадзе — от смеха». Прочел я эти строки и подумал: не смешно! Неужели один из родников вашего творчества иссяк? Было время, в Грузии говорили: «Мы разучились смеяться, но пришел Нодар и показал нам, как это делается!» А теперь что же — вы отрекаетесь от самого себя? Неужели вы и вправду вступили в тот позрост, когда пишут всерьез и не любят шутить?

Н. ДУМБАДЗЕ. От юмора не отрываются, случается — его теряют. Думаю, что пока я его не потерял.

Если говорить откровенно, именно в «старости» становятся люди «шутниками» и относятся к вещам проще, чем в молодости. Но при этом они допускают меньше ошибок — просто сказываются жизненный опыт и мудрость. Может быть, и правы критики, когда пишут, что я вступил в тот возраст, когда пишут всерьез, но это не исключает шуток.

Недаром самым великим юмористом я считаю Сервантеса и самым великим трагиком тоже Сервантеса.

Шутка, Юмор, Сатира — это жизнь, а измена жизни — это самоубийство. Сатира и юмор — дети одной матери. Юмор — душ теплый, он греет и ласкает, не смывает грязь. Сатира тоже душ, но кипяток, она тоже смывает грязь, но и обжигает.

И у сатиры, и у юмора есть своя лирика. Как у юга есть свой свет. Но одно — не замена другому.

Нет, я и юмор — мы никогда не расстанемся, разве только когда я умру.

Я был бы счастлив, если бы мой юмор остался жить. Жаль, узнать об этом можно только после своей смерти, когда уже ничего не узнаешь.

Г. МИТИН. Не секрет, что понимание комического всегда вызывало споры среди теоретиков. Но в целом просматривается стремление «свести» комическое к разоблачению устаревшего или утверждению нового. Известны споры и о том, должна ли быть сатира смешной. В частности, сейчас даже в учебные программы вошло утверждение, что сатира — только то, что вызывает смех. Не смешно — значит, не сатира. В противовес мнению строгого гражданина у Ильфа и Петрова... Чего уж говорить о юморе — сплошной хохот! Как вы считаете, не ошибаются ли теоретики, когда пишут некую единую обязательную суть юмора, исчерпывающее определение того, что смешно?

Н. ДУМБАДЗЕ. Теоретики никогда не ошибаются. К счастью, практика иног-

да расходится с теориями. Задача юмора не в том, чтобы рассмешить. Я не улыбался, когда Квазимодо влюбился в Эсмеральду, а, напротив, даже плакал. Суть юмора — в достигнутой цели. У юмора, как и у всего на свете, есть своя цель, и если юмор поражает эту цель — это и является его сутью.

Снижение высокого или необоснованные претензии на высокое — всего лишь прием (и притом один из миллионов) юмора, а не норма или суть.

Юмор можно найти в любой ситуации: в излишней серьезности, в парадоксальности, в растерянности, в трусливости — где угодно, перечень можно продолжать бесконечно. Юмор очень зависит от личности и от настроения субъекта в момент ситуации. Например, в детстве я смеялся, когда в «Травнате» Маргариту изображала здоровая, ядреная пеница, в ту минуту для меня музыка и ее голос не сосуществовали с ней, это было антиискусство, но меня тогда вывели из зала.

Мой опыт подсказывает разное. Например, я видел, как одна испуганная гражданка украдкой снимала бриллиантовые серьги и прятала их в саквояж во время моего спектакля «Обвинительное заключение», а другие в это время дружно хохотали.

Юмористический талант, как показывает эстетический опыт многих лучших писателей, не нуждается в теоретических знаниях. Конечно, это не значит, что надо быть необразованным, чтобы стать юмористом. Хотя незнание теории юмора не мешает моим односельчанам-гурийцам быть остроумными, да и Кола Брюньон тоже не был теоретиком. Могут возразить, что зато Ромен Роллан был им. Но Ромен Роллан, как человек образованный, писал Жан-Кристофа, а Кола Брюньон на он писал именно как удивительно талантливый и удивительно одаренный чувством юмора человек. То же самое можно сказать про Сервантеса, Марка Твена, Серго Кидишвили, Гоголя, Сулхан-Саба Орбелиани и о народе, создавшем бессмертные рассказы о Молле Насреддине.

Г. МИТИН. Вряд ли вы даже в свои студенческие годы, когда слыли лучшим остроумцем своего института, принадлежали к рыцарям «смеха ради смеха». Интересно, как вы относитесь к тем современным писателям, у которых вообще нет никакого чувства юмора?

Н. ДУМБАДЗЕ. Ради одного смеха я никогда ничего не писал. Я и мой читатель часто стыкуемся в оценке моих вещей, но часто и не сходимся. Например, мои рассказы «Дидро», «Собака», «Не буди» по-разному воспринимают. Некоторые их воспринимают как юмор, а некоторые — как грусть. Это даже хорошо: пусть люди плачут и смеются по одному и тому же поводу. Это и есть суть, природа юмо-

ра — двуликость. Вот вам и формула: смех — это двуликий Янус, но добрый. Писателей, у которых нет чувства юмора, мне жалко. Я им сочувствую от всего сердца. Они похожи на Луну, у которой одна половина вечно во мраке.

Г. МИТИН. Любопытно! Тем более что до сих пор принято серьезную прозу ставить выше комической. Я имею в виду даже не столько мнения теоретиков (скажем, Гегеля), сколько текущую практику. Рецензенты почти никогда не отмечают в нашей серьезной прозе элементов комического. А ведь «элементы» юмора сегодня играют в литературе далеко не «элементарную» роль! Думаю, что сегодня для литературы характерно такое «смешение» комического и серьезного, когда просто не знаешь, к какому «разряду» отнести писателя. Вероятно, это происходит оттого, что писатели-юмористы решают те же проблемы, что и серьезные писатели, — и наоборот.

Н. ДУМБАДЗЕ. Да, юмористы решают те же проблемы, что и серьезные писатели, если можно употребить такой термин, но серьезную и великую литературу трудно представить без юмора, иронии и сатиры. В этом меня лишний раз убедили великие произведения нашего века — «Иосиф и его братья» Томаса Манна и «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса.

Г. МИТИН. А какого вы мнения о юмористике? Н. ДУМБАДЗЕ. Специальную юмористическую литературу я не признаю. Такая литература, если ее можно назвать литературой, — голый король! Г. МИТИН. Но ведь и «голый король» — король! По крайней мере, так бывает. Это зависит от времени прежде всего. Сложные, на мой взгляд, отношения смеха с временем, с эпохой. Перефразируя Толстого, скажу так: все времена

серьезны по-своему, а смешны одинаково. Но бывают такие периоды в жизни общества, когда юмористическая литература особенно процветает. Например, в нашей стране в 20-е годы. А сегодня?

Н. ДУМБАДЗЕ. 20-е годы — это период эмпатии и ожесточенной классовой борьбы, это эпоха Маяковского и потом — Ильфа и Петрова. Это огромный арсенал для сатиры и юмора, огромные залежи золотой руды для юмора и сатиры.

История не знает эпох, в которых совсем нечего было бы высмеивать, и наша эпоха не исключение. Человек, который в этом разберется, и является юмористом.

Г. МИТИН. «Что высмеивать?» — на этот непростой вопрос существует такой ответ: если перед вами недостатки — высмеивайте их! Для того и существует смех. Теоретики утверждают, что степень насмешки зависит от того, как писатель оценивает «зловредность» недостатков. Чем решительнее настроен писатель, тем ближе он к сатире, а чем мягче (вплоть до «любования» недостатками своего героя!), тем охотнее он прибегает к юмору. Меня эта схема не очень убеждает. Я не думаю, что юмор слабее сатиры. Скорее, наоборот. Да и художник, по моему, не выбирает своего оружия — оно выбирает его. Ему надо только осознать этот «выбор поневоле».

Н. ДУМБАДЗЕ. Если бы сатира и юмор были б живы только недостатками, то можно было бы упразднить недостатки — и этот жанр умер бы. Но нет! Сатира и юмор — высокая литература и многими недооценена, она своего рода Джомолунгма.

Если бы к словам «писатель — это воспитатель» добавили еще одно слово: «и испепелитель», то есть врач, лекарь, тогда роль

юмора в литературе была бы понятней.

Я однажды получил письмо от читательницы, она писала, что мои повести вывели ее. Мне стыдно говорить такие вещи о себе, но я позволю это себе только ради юмора.

Г. МИТИН. Василий Шукшин — как вы относитесь к его юмору? Разве не были неожиданностью для нас его последние вещи именно потому, что это оказались сатиры: «Точка зрения», «Энергичные люди», «До третьих петухов»?

Н. ДУМБАДЗЕ. Я читал почти все произведения Василия Макаровича Шукшина и смотрел почти все его фильмы и спектакли. Это очень большой писатель, и говорить о каких-то специфических нотах, тенденциях, жанрах или приемах в его творчестве мне кажется излишним. Он цельный и крепкий, как алмаз; его трудно разбить на мелкие части.

Шукшин и его вещи для меня не были неожиданно. Это ген Гоголя, Щедрина да и Достоевского, если хотите, пробужденный в наше время. А пробудился он потому, что много накопилось той руды, о которой я говорил выше, — ведь почти некому было ее добывать. Жаль, что он ушел от нас.

Г. МИТИН. Что представляется вам в юморе более существенным: характер героя или ситуация, в которую он попадает? Английский публицист Паркинсон считает, что наибольшие возможности у юмориста появляются в эпоху стабильной жизни общества, когда все нормы твердо установлены и отклонения от них неожиданны, а поэтому и смешны. Где нет норм и уважения к ним, там, следовательно, не может быть и юмора отклонений от них. Прав ли Паркинсон?

Н. ДУМБАДЗЕ. Существенны в юморе и характер героя, и ситуация. Трудно их представить отдельно.

Да, комические ситуации встречаются чаще, чем комические характеры, но ситуации меняют характер.

Откровенно говоря, я отдаю приоритет все же ситуации, остроумию и остроумию — драгоценные украшения комической ситуации, и только.

Паркинсон ошибается, когда думает, что смешны отклонения от стабильности, потому что они неожиданны. Может быть, он и прав в мелких и редких случаях, но классический юмор никогда не основывался на таких случайных вещах. Неужели произведения Аристофана, Крылова, Сервантеса, Боккаччо, Рабле были порождены неожиданными отклонениями от нормы? Напротив, мне кажется, что они чаще смеялись над нормой.

Г. МИТИН. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно» — крылатая фраза. Разве грусть убивает смех? И разве смех обязательно унижает и никогда не возвышает того, над кем смеются?

Н. ДУМБАДЗЕ. К сожалению, не все крылатые фразы являются истинной. Смех — это вторая половина человечества, ее ничто не способно убить. Смех чаще всего радость, а любви без радости не бывает.

Лично я стараюсь своим смехом не унижать, а, напротив, помогать человеку, возвышать его. Лучше всех это удавалось Чаплину. Человечество очень обязано ему.

Г. МИТИН. Вы назвали героя Чаплина как образец жанра, но ведь это как раз тот герой, к которому автор относился с любовью, — как Диккенс к своему Пиквику. Чарли и Пиквик не «виноваты» в своей комичности — наоборот, их юмизм оказывается упреком или даже обвинением обстоятельствам, жизни. Правда, в образе Пиквика совсем нет тех трагических элементов, благодаря которым Чарли есть Чарли. Как ни странно,

иные современные теоретики считают, что «исчезновение из смеха трагических элементов — показатель активности сил прогресса»! Разве Пиквик прогрессивнее Чарли? Мне кажется, наоборот. «Исчезновение из смеха трагических элементов» скорее показатель стремления юмориста «сгладить углы».

Н. ДУМБАДЗЕ. Юмор воспитывает человека, а не сглаживает углы. Углы сглаживает зубоскальство (и сюсюканье). Конечно, можно юмор не принимать всерьез, и в таком случае углы сами собой сглаживаются, но с таким же успехом можно и трагедию не принимать всерьез... За юмором нужно следить и идти за ним следом, как за охотничьей собакой, но стрелять, конечно, только хищников. Лучше отпугивать, если это возможно.

Г. МИТИН. Мы с вами, кажется, впадаем в грех теоретиков — рассуждаем о юморе так, будто на протяжении долгой истории мировой литературы чувство юмора не меняется, не развивается, не определяется заново каждым данным моментом истории. А ведь практика показывает: юмор, сверкавший вчера, сегодня уже не звучит!

Н. ДУМБАДЗЕ. То, что звучало вчера и не звучит сегодня, — это не юмор в классическом его понимании. Это или просто шутка по поводу, или анекдот по поводу. Литературный юмор не умирает. Юмор и сатира должны жить — на бумаге, в книгах, в устах народа, в умах людей, а не умирать вместе с автором. Но это вовсе не значит, что не надо писать «по поводу», наоборот — что было бы с миром, если бы люди не шутили «по поводу»?

Г. МИТИН. Мне кажется, что «взрыв» юмора произошел в современной литературе в связи с научно-технической революцией — и прежде всего в научно-фантастической литературе. Не случайна же особая любовь ученых к шутке. Они много шутят, и их шутки печатают — всем интересно!

Н. ДУМБАДЗЕ. Я не уверен в этом. Вряд ли юмор зависит от НТР, скорее, наоборот. Научно-техническая революция не может обойтись без юмора — это факт. Однажды летом в Киндгах — это курорт, маленький такой, около Сухуми — космонавт Алексей Леонов говорил мне, что, когда подбирали экипаж для совместного полета «Союз — Аполлон», то решили, что, помимо профессиональных качеств, космонавт обязательно должен обладать чувством юмора.

Г. МИТИН. В нашей беседе нельзя не вспомнить известный афоризм о роли смеха в истории: человечество смеясь расстается со своим прошлым. А человек?

Н. ДУМБАДЗЕ. Человеку легче, чем человеку, — оно бессмертно. А разве мы весело расстаемся со своим прошлым? Лично я часто плачу.